

Ю. А. КРАШЕНИННИКОВА
(Сыктывкар)

МЕЖЖАНРОВЫЕ СВЯЗИ В МИФОПОЭТИЧЕСКОМ СОДЕРЖАНИИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ (свадебные приговоры — заговоры)

Традиционный свадебный ритуал представляет собой сложный комплекс элементов, различных по своему происхождению, характеру и функциям. Музыкально-поэтические жанры создают своеобразный текст обряда, причем наиболее важные темы многократно «проговариваются» участниками ритуала в различных песенных и говорных¹ жанрах. В частности, В. П. Кузнецова, анализируя севернорусские свадебные причитания и песни, делает вывод о повторении одних и тех же сюжетных элементов, стереотипных словесных формул в поэтических текстах этих жанров [Кузнецова 1993, 142, 145]². Приговоры свадебных дружек также обнаруживают текстологические пересечения с причитаниями и свадебными песнями³, в этом проявляется вербальная стратегия ритуала: посредством приговоров общается

¹ Термин, предложенный Г. А. Левинтоном, содержит характеристику способа произнесения текстов (тексты, которые говорятся), к группе говорных жанров Г. А. Левинтон относит и свадебные приговоры, и заговоры [Левинтон 1998, 65–66]; см. также мнение Б. Н. Путилова о делении жанров по способу произношения: тексты, которые поются, сказываются и говорятся [Путилов, 65].

² Ценны наблюдения исследовательницы о реализации одних и тех же мифологем в причитаниях, свадебных песнях, приговорах дружек, обрядовом реквизите и т. д. [Кузнецова 1993, 117–147].

³ В свадебных песенных и говорных жанрах обнаруживаются формулы, стилистические модели, стереотипы и другие устойчивые элементы языка и стиля, т. е. так называемые «типовые» элементы (термин Б. Н. Путилова [Путилов 2003, 166]), которые используются для изображения ситуаций, характеристик свадебных персонажей и проч.; в разных жанрах свадьбы они при близкой вербальной манифестации обладают множеством значений.

партия жениха (мужской текст ритуала)⁴, причитаниями — партия невесты (женский текст ритуала)⁵. Среди жанров свадебного ритуала приговоры, на наш взгляд, являются наиболее открытыми в плане фольклорных воздействий извне, т. е. использования, творческой переработки сюжетов и элементов поэтики других фольклорных жанров (в текстах приговоров регистрируются апокрифические, сказочные, былинные, колыбельные мотивы, тексты малых жанров и проч.), в том числе и заговорно-заклинательной поэзии. Исследователи указывают на близость свадебных приговоров и заговоров на уровне поэтики и элементов композиции [Поздеев 1984, 69; Торопова 1974, 112–119], их сближение в сознании носителей традиции и исследованиях наблюдается в дефинициях и характеристике манеры исполнения приговоров⁶.

В частности, в приговорах реализуются мотивы, параллели к которым обнаруживаются в заговорной традиции, например, мотив «встречи с чудесным помощником», зафиксированный в текстах из Вилегодского района Архангельской области. В записях, сделанных от разных информантов, он имеет устойчивое содержание: поезжане на росстани (вар.: «в чистом поле») встречают дерево («зелено-кудряво древо», «дерево-кипарис», «купористое древо»), на котором находится икона или сидит чудесный помощник (фигурируют образы Николая Чудотворца, Пресвятой Богородицы), благословляющий и указывающий дорогу к дому невесты⁷:

⁴ Здесь мы имеем в виду приговоры дружек, оставляя без внимания, в частности, приговоры и указы девушек со стороны невесты, приговоры-благопожелания гостей.

⁵ О свадьбе как диалоге двух партий в структурно-семантическом аспекте [Левинтон 1991].

⁶ Отметим лишь некоторые: наговор [Торопова 1974], заговор [Плесовский 1968, 35, 60], молитва [ФА СыктГУ 1319-46, 0481-13; Архив РЭМ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 48, л. 33], «слова» [ФА СыктГУ 1317-48], дружка «приговаривает», «читает» [ФА ИЯЛИ, АФ 1706-84], «шепчет» [ФА ИЯЛИ, АФ 1705-65] и др.

⁷ Е. Б. Островский, Е. А. Самоделова указывают на параллели подобных мифологических сюжетов с обрядовыми текстами ко-

*Ехали-попоехали чистыми полями,
Зелеными лугами, темными лесами,
Черными грязями,
Попали нам росстани —
Тут мы все и стали.
На тех росстанях стоит древо,
На том древе — святая икона*
Николай Чудотворец.

*Мы ему помолились,
Мы ему покорились
И в путь-дорожку отпросились*
(Вилегодский р-н Архангельской обл.,
1972 г. [ФК, 1417-32]).

Отчетливо проявляющийся в заговорах архаичный мотив посещения потустороннего мира, контакта с его представителем и возвращения оттуда в более высоком статусе [Шиндин 1993, 109] выражен в цитированном тексте приговора в имплицитной форме. Эта идея во многом определяет выбор образов, большинство из которых в традиционных представлениях семантически маркированы — это элементы ландшафта, дендросимволы, образы чудесных помощников. Так, росстань в севернорусской религиозно-мифологической топографии обладала ярко выраженными маргинальными свойствами, в мифопоэтическом сознании отождествлялась с границей того и этого света, была связана с выбором жизненного пути, судьбы [Теребикин 1993, 60]. Дополнительные признаки дерева («зелено-кудряво», т. е. «живое», и уточнение породы — кипарис, т. е. «вечнозеленое», непричастность дерева к «нижнему» миру, которая объясняется отсутствием описания его нижней части) сообщают ему положительную семантику и противопоставляют «сухому», «мертвому» дереву, свойства которого ярко выражены в присушках.

лядовщиков [Островский 1999, 21] (цит. по: [Самоделова 2001, 37]). Этот сюжет фиксируется в вилегодских текстах второй половины XX в., в материалах из других местностей сходных сюжетов мифологического характера мы не обнаружили. Отметим записи XIX в. из Вологодской губернии (Сольвычегодский, Устюжский, Вельский уезды — пограничные с территорией современного Вилегодского района), в которых путь поезжанам указывают «два усатых, белобородатых старика» или плавающие посреди синего моря «гуся серые, лебеди белые, соколы ясные».

Приговорному образу «зелена-кудрява древа» близок тип дерева, который часто встречается в лечебных заговорах, направленных на достижение положительного результата: в частности, дуб, «белая береза», «дерево карколист», на ветвях которого «сидят» («висят») чудесные помощники (См.: [ФА ИЯЛИ, АФ 1702-25; Русские заговоры 1993, 74, № 146] и др.). Сакральность дереву сообщает сидящий чудесный помощник или находящаяся на нем икона, которые указывают свадебному поезду дорогу, а другими словами, предсказывают жениху его судьбу, что актуализируется в финальных фразах текстов: «*Мы ему помолились, покорились / И в путь-дорожку отпросились / И он нас направил на путь-дорожку...*» [ФА СыктГУ 0486-46]. Собственно описание пути-дороги поезжан представляется в приговорах как путешествие в иной мир и формируется элементами пространственного кода, распределяющимися на несколько групп. Иной мир обозначают: лес, горы, болота и другие водные объекты, характеризующиеся топкостью, влажностью, вязкостью; безымянные крестьянские поселения; реалии растительного и животного мира⁸.

В свадебных приговорах обнаруживаются модификации заговорного мотива «чудесного одевания»⁹, он встречается в описаниях жениха, ожидающего приглашения в дом невесты. В большинстве приговорных текстов этот мотив, на наш взгляд, завуалирован: жених с поезжанами находится в «*чистом поле под белым шатром, // Под ясным небом, // Под красным солнцем, // Под младым месяцем, // Под частыми звездами, // Под светлыми лучами...*» (Архангельская губ. [Молчанов 1907, 38]). Приведенное детализированное описание, в основе своей имеющее конструкцию «жених находится (остался) под ...», имеет способность к распространению, в котором собственно и появляется формула «ограждения космическими реалиями» в характерной для нее манифестации: «*стоит наш кнезь молодой новобрашней в чистом поле, широком раздолье, под кудрявыми облоками, под часты-*

⁸ Анализ пространственных элементов см.: [Крашенинникова 2005].

⁹ Об этом мотиве: [Познанский 1995, 78, 253—258; Топорков 2005, 210—271].

ми звездами, белым светом огородилса, небом покрылса, частыми звездами обтыкалса...» (Пермская губ. [Аргентов 1925, 19]). В приговорах используется заговорная формула «умывания росой, утирания солнцем, опоясывания месяцем»¹⁰: «Остался наш князь молодой обрушной в чистом поле, широком раздолье, мисяцом опоясался, частыми звездами обтыкался, росой умывался, красным солнышком обсушался» (Пермская губ. [Серебренников 1911, 37–38]). Вокруг жениха создается символическая граница с помощью звезд и месяца, последним персонаж «опоясывается». В этом контексте уместно упомянуть, что пояс в традиционных представлениях «воплощал суть идеи “одетости”» [Байбурин 1992, 5], т. е. полной защищенности субъекта. Росе приписывались профилактические, лечебные свойства [Славянские древности 1999, 479].

Космические элементы (небо, звезды, солнце, месяц, вечерняя заря и др.) выступают в приговорах как символы преимущественно защищающие. Подобное значение объясняет появление в приговорных текстах наряду с небесными исключительно «мужских» реалий — «ружей», «стрел»: «<Князь оставлен> Под светлым месяцем, // Под частым звездочкам, // Ружьями обвешался, // Стрелами обтыкался...» (Костромская губ. [Андроников 1856, 164]). В некоторых записях элементы космоса выступают в качестве «вспомогательных» средств для преодоления символических препятствий, возведенных представителями невесты:

— Поставлена у нас
Стена городовая —
Как же ты проезжал ей?
— Небом покрылся,
Землей подмостился,
Вечерней зарей подпоясался,
Частыми, мелкими
Звездами обтыкался,
Стену городовую перелетел...
(Олонецкая губ. [Колобов 1915, 56]).

Символическое ограждение жениха производится не только на «верхнем» уровне с помощью элементов космо-

са, очерчивается и нижняя граница: «Остался наш князь нареченный во чистых полях, во зеленых лугах, землей подмостившись, небесам прикрывшись...» (Новгородская губ. [Воронов 1897, 17]) (см. также олонецкий текст, приведенный выше). В христианизированной трактовке¹¹ средством ограждения выступает Бог: «Он <жених> стоит со своим храбрым поездом в чистом поле, в широком раздолье, под темными облаками, под чистыми звездами, под красным солнышком, под светлым месяцем, конь под ним и Бог над ним...» (Владимирская губ. [Шейн 1898, 683]).

Говоря о различных вариантах вербальной манифестации мотива «чудесного одевания», отметим несколько фрагментов приговоров, в которых идея замыкания пространства вокруг жениха реализуется без использования формулы «ограждения космическими реалиями» или отдельных ее элементов. В качестве защитных средств называются «белые (вар.: белобархатные) шатры», «красное сукно», «белое полотно»: «Ехали мы дорогой-путьей <...> Приехали, стали, звездам озвездилась, шатрам ошатрились...» (Псковская губ. [Козырев 1912, 86]); «У меня есть в чистом поле, в широком раздолье, стоит там храбрый поезд под красным сукном, под белым полотном. Черные враны летают, хотят мой поезд расклевать...» (Костромская губ. [Иорданский 1896, 109]). Идея замыкания воплощается с помощью тавтологических сочетаний «звездами озвездиться», «шатрами ошатриться»; собственно и значения лексемы «шатер» указывают на состояние ограждения, см.: шатер — свод, колпак, кровля и др. [Даль 1995]. В фольклорных текстах, в частности в загадках, небо уподобляется шатру: «Раскинут шатер — ни столба, ни кола? — Небо» [Там же] и др. Оградительная семантика актуализируется благодаря ассоциативной связи собирательного образа «черных воронов» со смертью и миром мертвых, которая отразилась в народных представлениях о вороне как нечистой, зловещей птице, связанной с кровопролитием, разбоем и кражей [Гура 1997, 530–568]. Отметим и использование колористического кода,

¹⁰ Об этой версии фольклорного мотива «чудесного одевания» в заговорах [Топорков 2005, 216, 223–229].

¹¹ О вариантах христианизированной трактовки формулы «ограждения» в заговорных текстах см.: [Петров 1981, 111].

которое выразилось в преобладании красно-белой гаммы над черным цветом. Последний в традиционных представлениях выступает устойчивым маркером персонажей или явлений иного мира, а эпитеты «красный», «белый» в сочетаниях «под красным сукном, под белым полотном» отсылают к элементам заговорной формулы «ограждения» («красное солнце», «белый свет»). Приведем еще один фрагмент из рукописи свадебных приговоров: «...*Наш конь голову подымает, на небе часты звезды хватает, красное солнце обогрывает, светлой месяц свет подавает...*» (Архангельская обл. [РГАЛИ, ф. 1420, оп. 1, д. 39, л. 87 об.]). Типичная для формулы «ограждения космическими реалиями» манифестация отсутствует, однако перечень космических элементов в их традиционном стилистическом выражении («частые звезды», «красное солнце», «светлый месяц»), значения глаголов («хватать» — «брать, ловить, внезапно задерживать» [Даль 1995]; «обогреть» — «со всех сторон согреть, сделать теплым, нагреть» [Ушаков 2004, 535]) имплицитно указывают на семантику ограждения.

В ряде фольклорных традиций в описании жениха угадывается традиционный для заговоров от импотенции мотив «рога» с характерным для него образом «быка-пороза» [Познанский 1995, 202—205]. В вилегодской традиции устойчивой характеристикой жениха является следующая: «<у жениха> *как рог, голова как кий, а сам как клин, а язык как колоколо*» (Вилегодский р-н Архангельской обл., 1988 г. [ФА СыктГУ, 0481-77]). Откровенно грубые эротические описания жениха, в частности: «*Господи Иисусе Христе, сыне божий наш! // Поднимались на крыльцо // Да у молодого князя несли х... через плечо*» (р-н тот же, 1996 г. [ФА ИЯЛИ, АФ 1706-48]), — отсылают к текстам подблюдных песен¹², магическая семантика которых очевидна. В записях из Кировской области зафиксированы приговоры-диа-

¹² Например, в подблюдных песнях Вятского края образ «мужичины» с гипертрофированными гениталиями предвещал свадьбу, богатство, продолжение рода, см.: «*Лежит мужик на лавке, // Свесил его под лавку*», «*Сидит мужичина на лавице, // Свесил полы под лавицу*» и др. [Сатыренко 1995, 232].

логи, в которых жених сравнивается с быком: «*Бык не кладеный, а пороз с лицами. // А приедет наш пороз, // Вас всех распорот...*» (Подосиновский р-н Кировской обл., 1993 г. [ФА СыктГУ, 2347-47]; Лузский р-н Кировской обл., 1991 г. [ФА СыктГУ, 2002-1]).

Близость заговоров и приговоров обнаруживается в описаниях поступательного движения персонажей. Так, в приговорах, которые произносились в доме жениха перед выездом за невестой, действия жениха изображаются при помощи приема медлительного описания [Мореева 1927, 116]. Суть этого приема состоит в том, что тексты содержат детализированное, пошаговое описание поступательного движения жениха или дружки: жених, получив благословение, выйдет «из-за стола дубового», пройдет «по светлой светлице», спустится «по частым ступенечкам» на «широкий двор», зайдет в конюшню, выберет «доброе коня» и упряжь, подготовит «сани раскатные», возьмет «тесмяны возжи» и «шелкову плеть», «ударит коня по крутым бедрам», выйдет за «ворота широкие» и поедет за невестой и проч. Степень детализации таких описаний в разных текстах различна, каждый из составляющих их элементов может быть развернут, например, предельно подробно реализована тема выбора коня и упряжи (Вологодская губ. [Ордин 1896, 83]), описание свадебного стола дано с помощью формулы «столы дубовые, скатерти браные, яства сахарные, питья медвяные» или акцент в повествовании делается на изображении элементов внутреннего и внешнего пространства, которые встречаются на пути жениха при выходе из дома на улицу: «*по полю идти, по тесовому идти, по мосту идти, по калиновому идти, по лесенке идти, по брусчатой идти, на широкий двор сойти...*» (Костромская губ. [Шейн 1898, 687]) и др. Вместе с тем, в таких приговорах выделяются фрагменты, имеющие сходство с заговорно-заклинательными текстами. Так, в записях из Крестецкого уезда Новгородской губернии путь жениха проходит «из двора во двор, из ворот в ворота» [Шейн 1898, 501], при этом соблюдается и последовательность перемещения (из двора следует выход за ворота), и положительная установка самого характера движения.

В сочетании «из двора во двор, из ворот в ворота», как и в случае с формулой «ограждения», угадывается устойчивая заговорная конструкция «из дверей в двери, из ворот в ворота» (см.: [Русские заговоры 1993, 27, 34] и др.). В числе поступательных действий жениха называется пробивание каменной стены — «пушки ядром свинцовым заряжать, стену камени пробивать» (Новгородская губ. [Шейн 1898, 501]), отсылающее к заговорам, которые произносились на сватовстве. Ср. приуроченный к сватовству заговор, в котором реализуется мотив «пробивания стены»: «...*Приехали сваты, молотком стены проломили, двери растворили, зашли в избу эти сваты-женихи, богу помолвились, Парасковье поклонились...*» (Костромская губ., 1901 г. [Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 593, л. 213—213 об.]).

Продуктивной для обоих жанров оказывается формула трех ступеней — дружка, поднимаясь на крыльцо дома невесты, выкупает каждую ступень:

*На первую ступеньку ступаю —
Плачу сто рублей,
На вторую — двести,
На третью — триста,
На четверту ступаю —
Не будет дому вашему подъему*

(Вилегодский р-н Архангельской обл., 1996 г. [ФА ИЯЛИ, АФ 1703-48]),

а невеста, входя в дом жениха после венца, произносит заговор:

*Первую ступеньку ступлю —
свекра заступлю,
Вторую ступеньку ступлю —
свекровку заступлю,
Третью ступеньку ступлю —
всех заступлю*

(Прилузский р-н Республики Коми, 2007 г. [АА]).

Продуктивность формулы объясняется общностью семантики свадебных персонажей (дружки, невесты, а также сваты, свата, тысяцкого¹³) в ритуале —

¹³ Формула трех ступеней достаточно часто встречается и в других жанрах, преимущественно свадебного обряда (корильных песнях и припевках, свадебных причитаниях). В поэтических текстах ступени представляют собой препятствия, преодоление

все они осваивают «чужое» пространство. В приговоре подъем по ступеням расценивается как одно из препятствий в череде трудностей, возникающих при получении невесты, преодоление каждой ступени связано с потерей: в повествовании содержится указание на выкуп дружкой каждой ступени. В заговоре символика ступеней как преграды, помехи становится очевидна благодаря значению лексемы *заступать* — *ограждать, оборонять, защищать* [Даль 1995]; вместе с тем глагол «заступать» имеет значение *поступать вместо кого, заменять* [Там же], и в этом смысле пожелание невесты войти в дом жениха полноправной хозяйкой актуализируется через перечисление свекра, свекрови и всех домочадцев.

Приговоры и заговоры на остуду обнаруживают близкие по вербальному воплощению фрагменты в описаниях характера передвижения персонажей. В корпусе приговоров-диалогов, которые произносились перед закрытыми дверями дома невесты, выделяются тексты, направленные на предоставление регламентированного входа для жениха. В вилегодской свадьбе диалог дружки с представителем невесты строится на последовательном назывании последним локусов дома, выступающих в качестве возможных входов («банные», «крылешные», «стайные» двери, «кутное окно» и др.) и отказа от них дружкой, поскольку они предназначены для людей, обладающих другим статусом: «*князь — не пастух и стайных дверей не знает*», «*жених — не поивушка¹⁴ и банных дверей не знает*» (Вилегодский р-н Архангельской обл., 1996 г. [ФА ИЯЛИ, АФ 1705-10]), «*<жених> мышёвыми*

которых почти всегда связано с потерей как для рода жениха, так и для рода невесты. В повествовании это выражается констатацией получения или отдачи выкупа дружкой или сватей за каждую ступень (в приговорах — «сто рублей платить», «двести рублей платить»), потерей здоровья (например, в корильных песнях для свата, тысяцкого — «ногу сломить», «голову свернуть») или значимых для персонажа атрибутов (в частности, в причитаниях для невесты — потерять «ленту алую», «нов злат перстень» и др.).

¹⁴ *Поивушка* — женщина, которую приглашали для оказания помощи роженице при родах и новорожденному (Вилегодский р-н Архангельской обл.).

тропами не бегают, собачьим лазём не лазят» (Вологодская губ. [Ордин 1896, 90]), «<жених> по подокошечкам не ходит, девушек не смотрит, не пряха, не ткаха, не нищий человек, из избы в избу с пряжей и за милостима, за спасенькими (милостыня. — Ю. К.) не ходит» [РГА-ЛИ, ф. 1420, оп. 1, д. 39, л. 88]. Эти реплики дружки обнаруживают определенное сходство с заговорами «на остуду между мужем и женой» и отворотами в той их части, в которой описывается путь заговаривающего: он проходит «не дверью, не воротами, а дымным окном да подвальным бревном» [Русские заговоры 1993, 122, № 246], «не дверьми, не воротами, собачьими дырами, тараканьими тропами» [Архив РГО, р. 1, оп. 1, ед. хр. 57, л. 75], «не путем, не дорогою, а косыми огородами» [Архив РГО, р. 7, оп. 1, ед. хр. 78, л. 57—57 об.]¹⁵. Перечень представителей животного мира (мышь, собака, таракан), упоминающихся в текстах обоих жанров, объясняется традиционными представлениями: мышь относится к нечистым животным, в приметах является предвестником смерти или несчастья, ей свойственна зтоническая символика, в народном сознании близка к гадам [Тура 1997, 403—416]; таракан и собака в магических обрядах выступают в качестве посредников¹⁶. Уместно упомянуть и некоторые значения лексемы «лаз» — тесный проход, путь или место,

¹⁵ Формула «ходить не путем, не дорогой, тропами собачьими» (вар.: «хоботами змеиными», «чужими огородами», «кошачьими лазечками», «зайчими тропиночками») достаточно продуктивна для свадебных причитаний, которые исполнялись для свата или сватьи, например: «<сватья лукавая> ходила ко батюшке // Не путем, не дорогою, // Все тропами собачьими, // Хоботами змеиными...» (Архангельская губ. [Жаравов 1853, 23;]), «...Ты лесливый сват, перелесливый, // Ты ходил, перелазивал, // Не путем, не дороженькой, // Все чужим огородами...» (Вологодская губ. [Архив РГО, р. 7, оп. 1, ед. хр. 15, л. 110] и др.).

¹⁶ О собаке см. ниже. В отношении таракана любопытно использование его в святочных обрядах гадания на жениха, например: «Таракана клали в коробок, клали (коробок. — Ю. К.) под голову, таржились спать и приговаривали: “Таракан, таракан, уведи меня во храм, в котором мне венчаться. Покажи мне суженого, с которым обручатся”» (Прилузский р-н Республики Коми, 2004 г. [ФА ИЯЛИ, АФ 1545-6]).

где пролез вор, обычный путь зверей [Даль 1995]. Итогом диалогов является предоставление жениху входа через крыльчатые двери, что маркирует его как почетного, ожидаемого гостя.

Тексты приговоров и заговоров содержат сходные описания «крестьянского мира»¹⁷: в текстах обоих жанров встречаются перечни вредителей и мотив ссылки. Так, при входе в дом дружка произносил приговоры, в которых просил удалить людей и животных, способных испортить свадьбу, навлечь несчастье на новобрачных¹⁸:

¹⁷ Мы уже анализировали приговоры, в которых дружка обращался к присутствующим с просьбой о благословении или приветствовал всех при входе в дом. В этих текстах собирательные характеристики зрителей ритуала построены в виде «перечней»: при перечислении максимально учитываются все половозрастные группы (пожилые люди, дети, подростки, состоящие и не состоящие в браке персонажи), родство, социальное положение, расположение в доме (в кути, за печью, около порога), наличие профессии и др.; наряду с людьми упоминаются предметы интерьера и утварь, например: «Разрешите с вами поздороваться! Не всех поименно, а всех заедино. Здравствуйте, девки красные, со всех сторон приезжалые, все холостые, пожилые, женатые, ясные соколы, морские податели, ляшки строчены, табуретки точены, бабушки-пошваленки, мужсьи жены, честны вдовы, попадьи, дьячицы, красные девицы, пирожны мастерицы, хлебны пагубницы...» (Лешуконский р-н Архангельской обл., 1976 г. [АКФ МГУ, ФЭ-11, 1861-1862]). В заговорных текстах, в частности, в снаряжных словах, одним из центральных мотивов является «пожелание всеобщего признания, любви», этим объясняется включение в тексты коллективных характеристик «крестьянского мира»: «... так и бы на раба Божия (имя рек) глядели и смотрели старые старики, молодые мужики, старые старухи, молодые молодухи, красные девицы, малые ребятки...» [Русские заговоры 1993, 113, № 225] (об этом: [Крашенинникова 2006, 26—27]).

¹⁸ Мотив, который реализуется в этих текстах, мы обозначили как «дружка заговаривается от порчи». Причиной именно такого номинирования послужила реплика одного из информантов, который заметил, что «когда он <дружка> читал про стариков-то этих, вот он в это время заговаривался...» [ФА ИЯЛИ, АФ 1703-53]. Вар.: в записях из Пермской, Вологодской, Вятской губерний; Прилузского р-на Республики Коми, Лузского р-на Кировской обл. [Зырянов 1969,

*Нет ли у вас здесь стариков-еретиков,
Старух старых, ребят малых,
Собак ярых, петухов-клевунов?
Петухов-клевунов — в шесток,
Собак ярых — на цепь,
Ребят малых — на запольё
Жопами натывать на кольё,
Стариков — в угол на печь*
(Вилегодский р-н Архангельской обл.,
1996 г. [ФА ИЯЛИ, АФ 1705-10]).

Из представителей человеческого мира в приговорах чаще всего называются старики, старухи, дети (реже: девушки, мужчины, женщины) с соответствующими эпитетами («старики-еретики», «старики старые», «старухи старые», «старушка-волхунья», «старухи-пердуньи», «старухи-кашлюньи», «ребята малые», «ревуны», «бабы бранливые», «бабы бурливы», «бабы-колдуны», «мужики-еретики», «мужики-блядуны», «знатки знатливые», «колдуны колдуливые», «девки ревнивы», «девки красивые»). Из животных упоминаются «петухи-клевуны», «собаки ярые» (вар.: «кусливые», «кусасты», «собачка-тевкунья»), «жеребцы-легуны» (вар.: «легливые»), «коты-сарапуны», «кошечка-мевкунья», «коровы рогливы» (вар.: «бодливы»), «свиньи горласты», «курицы-колдуны» (вар.: «клокотуньи», «хвядливы», «курочки кладливы»).

Выбор эпитетов объясняется народными представлениями о способах наведения порчи, согласно которым испортить можно умышленно или непроизвольно [Мифология коми 1999, 362]. Порча может быть направлена людьми, наделенными «особым» знанием (в приговорах они называются колдунами, еретиками: «старики-еретики», «мужики-еретики», «бабы-колдуны», «злые еретики»). Непроизвольно испортить могут люди испорченные или притягивающие порчу (завистливые, злопамятные, болтливые, сквернословы). Перечисление этих персонажей в одном ряду с колдунами подчеркивает способность кашляющего, бранящегося человека испортить через выделения (слюна, запах) или брань. Последняя в народных представлениях является отличительным признаком

138; Аргентов 1925, 17; Дилакторский 1903, 37; Ордин 1896, 93; Зеленин 1904, 201; ФА СыктГУ, 1318-36, 2023-20].

представителей «чужого» мира, кроме того, брань людей привлекает нечистую силу [Славянские древности 1995, 250—253]. В этом контексте неслучаен выбор эпитетов, формирующих образы нежелательных присутствующих: *старый*, *малый* (подчеркивается неспособность к воспроизводству, отсутствие фертильности), *бранливый*, *ярый*, *злой*, *пердунья*, *клокотунья*, *клевуны* (сделан акцент на том, что носители этих черт отличаются аномальным поведением, т. е., по традиционным представлениям, они испытали воздействие нечистой силы). Подчеркнуто вызывающая красота («девки *красивы*»), ревность («девки *ревнивы*»), прелюбодейство («мужики-*блядуны*»), постоянный плач («ребята *ревливые*», «*ревуны*») также называются в числе аномальных характеристик, что вписывается в представления о носителях таких черт характера или внешности, как о «сглаженных», «испорченных» или притягивающих порчу. Персонажи номинируются как *баба*, *мужик*; эти лексемы заключают в себе сниженное значение, пренебрежительный оттенок, зачастую отрицательную коннотацию. В частности, *баба* «в сочетании с мифологическими именами и эпитетами обозначает различных женских демонов» [Славянские древности 1995, 122], *мужик* употребляется в отношении «простолюдина, человека низшего сословия, необразованного, невоспитанного, грубого, невежи» [Даль 1995], т. е. в отношении к человеку, не являющемуся равным с окружающими, со значением 'стоящий на более низкой ступени в социальном ряду'.

В числе животных, способных испортить молодоженов, чаще всего называются собака и петух, что обусловлено народными представлениями о них как посредниках между миром людей и потусторонним миром. Так, наблюдения над словом «собака» (на материале этнографических, фольклорных, лингвистических данных, записанных в севернорусском регионе) позволили заключить, что в традиционных представлениях собака является одновременно представителем чужого, опасного для человека мира, защитником человека от злых сил, посредником в магических обрядах [Бунчук 1997]. Петух также осознается как маргиналь-

ная птица¹⁹. Относительно других животных приведем некоторые свидетельства. Так, по народному поверью, курица-молодка будет нести много яиц, т. е. станет *кладливой* (ср.: в приговоре «курочки кладливы»), если ее купить у того, кто хотел ее зарезать и съесть (Ростовский у. Ярославской губ. [РНБ, ф. 775, № 4603, л. 89]). В некоторых уездах Вологодской губернии (Тотьма, Великий Устюг) свинью считали урочливым животным, поэтому закалывали тайком [Потанин 1899, 191]. В Вятской губернии перед отправлением к венчанию дружка требовал, «чтобы не было ни собаки, ни кошек»: считалось, что встретившиеся на пути свадебного поезда или пробежавшие между молодыми кошка или собака — к ссоре и разлучению новобрачных [Архив РГО, р. 10, оп. 1, ед. хр. 28, л. 14 об.].

Как мы уже отмечали, анализируемые приговоры демонстрируют сходство с заговорно-заклинательными текстами с мотивом «отсылки»: практически все упоминаемые в приговорах места «ссылки» нежелательных присутствующих — элементы жилища, интерьера и внешнего пространства (подполье, печь, полати, угол печи, голбец, подстолье, задворье, заполье) — относятся к маргинальным, обладающим высокой степенью семиотичности локусам [Байбурин 2005].

В экспедиционных материалах второй половины XX в. зафиксированы приговоры, в тексты которых включены заговоры, причем такое присоединение выглядит достаточно органично. Например, в записях из Прилузского района Республики Коми приговор с описанием жениха содержит лаконичный заговорный текст «на покладистую невесту»:

*Наш молодой князь
Сидит на вороном коне,
На златогривом.
Шелковым плетком посвистывает*

¹⁹ Использование петуха в обрядах гадания и перехода в новый дом, приписываемая ему функция предсказателя судьбы (например, в представлениях народа коми несвоевременный крик петуха предвещал скорую смерть хозяина дома, поливание петуха над умирающим колдуном могло ускорить смерть последнего [Мифология коми 1999, 305]) и проч.

И выговаривает:

*Как эта шелкова плетка возилась,
Не рвалась и не ломалась,
Так же ваша молодая княжна
Над нашим князем бы не ломалась*
[НА КНЦ, ф. 1, оп. 11, д. 211а, л. 93].

В публикациях XIX—XX вв. и архивных коллекциях представлены тексты заговоров и оберегов, направленные на защиту от порчи свадебного поезда и молодоженов, удачное сватовство²⁰. Не углубляясь в подробный анализ имеющихся записей (поскольку это тема отдельной работы), отметим некоторые детали. Достаточно часто в свадебных заговорах встречается мотив «чудесного одевания», вероятно, этим можно объяснить продуктивное использование этого мотива и приговорами. Наряду с традиционной формулой «ограждения» в заговорах встречается и конструкция «пойду под...»: «*Стану благословясь, пойду перекрестясь, из двора во двор, из ворот в ворота, в восточную сторону, под частые звезды, под красное солнце, под светлый месяц...*» (Костромская губ., 1901 г. [Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 593, л. 213]). Заклинательная часть содержит пожелание «сохранить поезд, жениха, молодоженов от NN» и перечень вредителей, способных испортить свадьбу: «*...сохрани мой княжевецкий поезд от шулупливого, от наклапого-горбатого, от встречного, поперечного, злодумливого. <...> от кладуна, кладуницы, от бабы-еретицы, от бабы-белоголовки, от девки-чернологовки, от двоежена, троежена, от двоезуба, троезуба, от ведуна, от ведуницы, от встречного, поперечного, злодумливого, ненавистного...*» [Ильинский 1894, 365]. Традиционные закрепы и заминивание. Указаний на приуроченность к свадебному обряду в заговорных текстах содержится немного, как правило, это детализированное перечисление свадебных чинов (жених,

²⁰ Например: [Ильинский 1894, 364—365; Логиновский 1899, 59—66, 68—69, 92—93; Ордин 1896, 86; РСРС 1984, 49—54; Русские заговоры 1993, 118—122, №№ 238—244; Серебренников 1911, 35; Архив РГО, ф. 7, оп. 1, д. 78, л. 59—59 об., № 14, 16; Архив РГО, р. 29, оп.1, ед. хр. 32—6, л. 26—27; Архив РГО, р. 29, оп. 1, ед. хр. 63, л. 2—4; Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 593, л. 213—213 об.; ФА ИЯЛИ, АФ 1705-35, 36; АФ 1542-32; ВФ 1521-41] и др.

невеста, тысяцкий, дружки, сватья) или упоминание коллективного собирательного образа свадебного поезда («весь княженецкий поезд», «весь хоробрый поезд», «вся дружина»):

*... Спаси меня и сохрани меня, Боже,
И мой княженецкий поезд
С моим храбрым конем,
Тысяцкого с большим боярам,
С меньшим боярам,
И сваху с провожатым,
И дружку с полудружьем...*

(Енисейская губ., 1906 г. [РСПС 1984, 50]).

В экспедиционных материалах, записанных на севернорусской территории на рубеже XX—XXI вв., свадебная заговорно-заклинательная словесность представлена заговорами, заклинаниями, благопожеланиями. Современные информанты предпочитают лаконичные заклинательные фразы или заговоры, которые отличаются «несложностью содержания и краткостью изложения» [Елеонская 1917, 7], строятся с помощью приема синтаксического параллелизма, используют формулы сравнения, содержат пожелание богатства, достатка, долгой совместной жизни, предотвращения порчи молодых: «*Как хмель вьется и не развивается, так бы жених и невеста (имена какие) жили бы и до конца жизни не развивались*» [ФА ИЯЛИ, АФ 1705-35], «*Как хмель вьется, так и вы друг возле друга вейтесь, любите, уважайте*» [ФА ИЯЛИ, ВФ 1521-41] и др. Рассказывая о свадебном обряде, информанты включают в повествование лаконичные заговорные тексты, простота которых говорит в пользу предположения о сиюминутном их сочинении²¹, ср. тексты интервью, записанные от одного информанта: «*Вдевали иголку в подол, вокруг иголки нитку обведут и приговорают: "Когда эта ниточка сквозь иголочку пройдет, тогда невесту (имя рек) сглазят"*» [ФА ИЯЛИ, АФ 1542-55]; «*Невесте втыкали иголку с ниткой в подол <при этом нитку обертывали вокруг иголки>: "Только тогда*

²¹ «Особая простота» заговорных текстов XVII в. позволила Е. Н. Елеонской предполагать, что «многие из них составлялись тотчас, как только в них являлась нужда» [Елеонская 1912, 613].

разлучат рабов Божьих Ивана и Марию, когда эта ниточка пройдет сквозь ушко» [ФА ИЯЛИ, АФ 1537-20] и др. Из часто цитируемых отметим заговор колдуна, направленный на остановку свадебного поезда: «*Кладу девять горошин, девять чертешин* (т. е. девять чертей. — пояснение информанта), *десята невеста, кони ни с места*» (Вилегодский р-н Архангельской обл., 1996 г. [ФА ИЯЛИ, АФ 1702-2]), который фиксируется в ряде локальных традиций Русского Севера.

Таким образом, свадебные приговоры достаточно активно используют типичные для заговорной традиции мотивы, сохраняя их семантику и в ряде случаев вербальную манифестацию, а также характерный для заговорно-заклинательной поэзии поэтический инвентарь: типичные элементы языка и стилия (формулы, типизированные описания, стилистические обороты и приемы и проч.), образной системы; специфические языковые конструкции. Подобное сближение жанров может объясняться, в частности, общностью мифопоэтических представлений, магической функцией приговоров, а также способностью и склонностью фольклорных жанров (в данном случае речь идет о свадебных приговорах) к восполнению образующихся в текстах лакун с помощью известных фольклорной системе стилистических и языковых моделей.

Литература

Андроников 1856 — Андроников П. И. Свадебные обычаи и песни в селе Костенев Костромского уезда // Костромские губернские ведомости. 1856. № 24.

Аргентов 1925 — Аргентов Г. Наговоры дружки на свадьбе // Кунгурско-Красноуфимский край (краеведческий ежемесячник). Кунгур. Февраль, 1925. № 2. С. 17—19.

Байбурин 1995 — Байбурин А. К. Пояс (к семиотике вещей) // Из культурного наследия народов Восточной Европы. Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 45. СПб., 1992. С. 5—13.

Байбурин 2005 — Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 2005.

Бунчук 1997 — Бунчук Т. Н. Культурогенные возможности слова «собака» (особенности бытования слова в севернорусском регионе в контексте общеславянской культуры) // Исследования по истории книжной

и традиционной народной культуры Севера. Сыктывкар, 1997. С. 208—217.

Воронов 1897 — *Воронов Г.* Крестьянские свадьбы в Устюжском уезде Новгородской губернии. Новгород, 1897.

Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Даль 1995 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1995.

Диакторский 1903 — *Диакторский П. А.* Свадебные обряды Вологодской губернии // Этнографическое обозрение. 1903. Кн. 56. № 1. С. 25—51.

Елеонская 1912 — *Елеонская Е. Н.* Заговоры и колдовство на Руси в XVII и XVIII столетиях // Русский архив. 1912. Т. 4.

Жаравов 1853 — *Жаравов А.* Сельские свадьбы Архангельской губернии // Москвитянин. М., 1853. № 13. С. 7—64; № 14. С. 81—104.

Зеленин 1904 — *Зеленин Д. К.* Свадебные приговоры Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1904 год. Вятка, 1904. С. 173—208.

Зырянов 1969 — *Зырянов И.* Чердынская свадьба. Пермь, 1969.

Ильинский 1894 — *Ильинский В.* Свадебные обычаи в Ряговском приходе Каргопольского уезда // Олонецкий сборник. 1894. Вып. 3. Отд. 2. С. 347—366.

Иорданский 1896 — *Иорданский Н.* Свадьба в Ветлужском крае // Этнографическое обозрение. 1896. Т. 31 (4). С. 107—113.

Козырев 1912 — *Козырев Н. Г.* Свадебные обряды и обычаи в Островском уезде Псковской губернии // Живая старина. СПб., 1912. С. 75—94.

Колобов 1915 — *Колобов И. В.* Русская свадьба Олонецкой губернии, Пудожского уезда, Корбозерской волости // Живая старина. СПб., 1915. С. 21—90.

Крашенинникова 2005 — *Крашенинникова Ю. А.* «Путь-дорога» свадебного поезда (организация универсума в свадебном приговоре дружки) // Славянская традиционная культура и современный мир. Сб. материалов науч. конф. М., 2005. С. 62—75.

Крашенинникова 2006 — *Крашенинникова Ю. А.* Персонажи в приговорах свадебных дружек: образы участников ритуала // Традиционная культура. 2006. № 3. С. 23—31.

Кузнецова 1993 — *Кузнецова В. П.* Причитания в севернорусском свадебном обряде. Петрозаводск, 1993.

Левинтон 1991 — *Левинтон Г. А.* Мужской и женский текст в свадебном обряде (свадьба как диалог) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 210—234.

Левинтон 1998 — *Левинтон Г. А.* Замечания о жанровом пространстве русского фольклора // Судьбы традиционной куль-

туры: Сборник статей и материалов памяти Ларисы Иевлевой. СПб., 1998. С. 56—72.

Логиновский 1899 — *Логиновский К. К.* Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья // Записки Приамурского отд. РГО. Хабаровск, 1899. Т. 5. Вып. 2. С. 1—94.

Мифология коми 1999 — Мифология коми. М.; Сыктывкар, 1999.

Молчанов 1907 — *Молчанов.* Крестьянская свадьба в южной части Шенкурского уезда Архангельской губернии // Памятная книжка Архангельской губернии на 1907 год. Отд. I. Архангельск, 1907. С. 1—41.

Мореева 1927 — *Мореева А. К.* Традиционные формулы в приговорах свадебных дружек // Художественный фольклор. Вып. 2/3. М., 1927. С. 112—129.

Ордин 1896 — *Ордин Н. Г.* Свадьба в подгородних волостях Сольвычегодского уезда // Живая старина. Вып. I. СПб., 1896. С. 51—121.

Островский 1999 — *Островский Е. Б.* Вологодский свадебный фольклор (История, традиции, поэтика). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.

Петров 1981 — *Петров В. П.* Заговоры. Публикация А. Н. Мартыновой // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 77—143.

Плесовский 1968 — *Плесовский Ф. В.* Свадьба народа коми. Сыктывкар, 1968.

Поздеев 1984 — *Поздеев В. А.* Приговоры дружки в структуре севернорусского свадебного обряда // Жанровая специфика фольклора. М., 1984. С. 60—74.

Познанский 1995 — *Познанский Н. Ф.* Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М., 1995.

Потанин 1899 — *Потанин Г.* Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьма // Живая старина. 1899. Вып. 2. С. 167—235.

Путилов 2003 — *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура. In memorem. СПб., 2003.

РСПС 1984 — Русская свадебная поэзия Сибири. Новосибирск, 1984.

Русские заговоры 1993 — Русские заговоры / сост., предисл. и примеч. Н. И. Савушкиной. М., 1993.

Самоделова 2001 — *Самоделова Е. А.* Дружка и его помощник // Мужчина в традиционной культуре. М., 2001. С. 28—47.

Сатыренко 1995 — *Сатыренко А. С.* Подблюдные песни Вятского края // Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки. М., 1995. С. 230—235.

Серебрянников 1911 — *Серебрянников В. Н.* Свадебные обычаи и песни крестьян Андреевской волости Оханского уезда Пермской губернии (со вступительной статьей А. Д. Городцова и 8-ю стр. нот) // Материалы по

изучению Пермского края. Пермь, 1911. Вып. 4. С. 1—68.

Славянские древности 1995 — Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого: в 5 т. М., 1995. Т. 1.

Славянские древности 1999 — Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого: в 5 т. М., 1999. Т. 2.

Теребихин 1993 — *Теребихин Н. М.* Сакральная география Русского Севера (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). Архангельск, 1993.

Топорков 2005 — *Топорков А. Л.* Заговоры в русской рукописной традиции XV—XIX вв.: История, символика, поэтика. М., 2005.

Торопова 1974 — *Торопова А. В.* Наговор дружки в поэтической системе свадебного фольклора. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974.

Ушаков 2004 — Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2004.

Шейн 1898 — *Шейн П. В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах / Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1898.

Шиндин 1993 — *Шиндин С. Г.* Пространственная организация русского заговорного универсума: образ центра мира // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993. С. 108—128.

Сокращения

АА — архив автора.

АКФ МГУ — Архив кафедры фольклора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Архив РГО — Архив Русского географического общества.

Архив РЭМ — Архив Российского этнографического музея.

НА КНЦ — Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

РНБ — Российская национальная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, рукописный отдел.

ФА ИЯЛИ — Фольклорный архив Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, АФ — аудиофонд, ВФ — видеофонд.

ФА СыктГУ — Фольклорный архив Сыктывкарского гос. университета.

ФК — Архив Фольклорной комиссии Российской Федерации (ранее: Комиссия музыковедения и фольклора Союза Композиторов Российской Федерации).

В. Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ
(*Москва*)

ПРЕСКРИПЦИИ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ЗАГОВОРНО- ЗАКЛИНАТЕЛЬНУЮ ПРАКТИКУ

**(на материале Владимирской
и Ярославской областей)**

Запреты и предписания, связанные с профессиональной принадлежностью, фиксировались еще в XIX — начале XX вв. [Зеленин; Зеленин 1929; Максимов 1993, 109—133]. В XX в. основное внимание исследователей, так или иначе затрагивающих эту проблематику, сосредотачивалось на так называемых «знающих» людях: печниках, мельниках, пастухах, гончарах, колдунах и т. п. [Финченко 1982; Топорков 1984, Гуляева 1986; Щепанская 1990; Цивьян 2000]. Несколько более подробно рассматривались нормативы, связанные с таким видом женской трудовой деятельности, как повитушество [Логовинов 1993; Власкина 1999]. Авторы работ начала XXI в. обратились к новым аспектам изучения профессиональных нормативов, продолжая в то же время разрабатывать ранее затронутые темы [Мужской сборник 2001; Родины 2001; Городской фольклор 2003]¹.

Значительно реже исследователи обращаются к нормативам, регулирующим исполнение того или иного фольклорного текста. И в основном подобные прескрипции рассматриваются в работах, посвященных тем фольклорным

¹ В настоящее время интерес к изучению поведенческих нормативов, связанных с профессиональной деятельностью, необычайно высок как среди социологов и социальных антропологов [Carr-Saunders, Wilson, 1933; Parsons 1968; Ярская-Смирнова, Романов 2007, 9; Антропология профессий 2005; Профессии.doc 2007], так и фольклористов и этнографов [Неклюдов 2003, 12; Черединова, Кром; Ливанова 2003; Назарова 2007; Шумов; Шумов 2003; Федосеенко, 2003; Добровольская 2007а, Толстая 1994; Щепанская 2001, 9—27; Черных 2001].